

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

MONGOLICA

Памяти академика
Бориса Яковлевича
ВЛАДИМИРЦОВА
1884 – 1931

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1986

Редакционная коллегия

А. Н. КОНОНОВ (председатель), Л. К. ГЕРАСИМОВИЧ,
С. Г. КЛЯШТОРНЫЙ, Е. И. КЫЧАНОВ, А. Г. САЗЫКИН,
В. М. СОЛНЦЕВ

В сборнике, посвященном памяти выдающегося советского ученого-монголоведа Б. Я. Владимирцова, представлены статьи, тематически связанные с кругом важнейших проблем монголистики, исследованием которых занимался Б. Я. Владимирцов. В статьях рассматриваются вопросы языкознания, литературоведения, филологии, истории, письменного наследия монгольских народов.

М $\frac{1402000000-164}{013(02)-86}$ 61-86

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1986.

*Научное наследие
академика Б. Я. Владимирцова*

Г. И. Михайлов

ИЗ НАСЛЕДИЯ АКАДЕМИКА Б. Я. ВЛАДИМИРЦОВА
*(Выступление на совещании по транскрипции
и орфографии калмыцкого языка)*

После Бориса Яковлевича Владимирцова остался интересный, большой научной ценности архив, состоящий из дневников, которые он собирался литературно обработать, записных книжек, различных записей, законченных и незаконченных трудов. Так, из писем А. В. Бурдукову известно о целом ряде интересных работ, подготовленных Б. Я. Владимирцовым [Бурдуков, 1969, с. 336, 350, 355, 357, 364, 366]¹.

Однако многие ценные материалы не были обнаружены, и потому исключалась возможность появления каких-либо новых публикаций из наследия Б. Я. Владимирцова. Но сравнительно недавно в Архив АН СССР поступили некоторые рукописи Б. Я. Владимирцова, были найдены новые материалы и в другом хранилище — в Элисте.

В 1966 г. увидел свет хороший библиографический справочник, в общей библиографии которого указаны две работы Б. Я. Владимирцова:

1. «Редакционная статья. Итоги областного совещания по усовершенствованию транскрипции и орфографии калмыцкого языка. Б. Я. Владимирцов. Современное состояние языка и литературы у арабских и монгольских народов. Доклад. В ж. „Калмыцкая степь“, 1928, № 3(6), с. 108—114» [Джимгиров, 1968, с. 214].

Составитель справочника допустил здесь неточность. Названную им статью нельзя считать редакционной, ибо принадлежит она определенному автору, подписавшемуся инициалами Б. Ф. Статья Б. Ф. представляет собой отчет об областном совещании по усовершенствованию нового калмыцкого алфавита

¹ Из сообщений в журналах «Живая старина» (1916, № 1) и «Известия Имп. Русского географического общества» (1916, т. 52, вып. 3) известно также о докладах Б. Я. Владимирцова по вопросам шаманизма в Северо-Западной Монголии, но тексты выступлений нигде не опубликованы.

и связанных с ним вопросов орфографии, терминологии и литературного языка. Непосредственно к Б. Я. Владимирцову относятся лишь первые семь абзацев, содержащих краткое изложение его доклада. Далее в редакционной статье говорится о работе совещания в целом и о принятых им решениях.

2. «Академик Б. Я. Владимирцов. Калмыцкий язык и литература. Доклад перед слушателями Совпартшколы в г. Астрахани 5 февраля 1928 года. В газете „Т. З.“, 1928, 13 февраля» [Джимгиров, 1968, с. 212].

И здесь необходимо внести уточнение. Этот материал снабжен заголовком: «Б. Я. Владимирцовын келсн үг» («Речь Б. Я. Владимирцова», см. [Таңһчин энг]) — и, как выяснилось, выглядит более развернутым изложением содержания доклада Б. Я. Владимирцова. Правда, автор справочника указывает, что доклад был сделан в Совпартшколе. Возможно, Владимирцов повторил там доклад, с которым выступал и на совещании.

Достоверность этих публикаций вызвала некоторые сомнения, но в 1968 г. И. К. Илишкин, бывший тогда директором Калмыцкого научно-исследовательского института истории, филологии и экономики, в личной беседе сообщил, что в архиве института сохранились протокольные записи доклада и выступлений Бориса Яковлевича на областном совещании 1928 г.

Областное совещание по усовершенствованию транскрипции и орфографии калмыцкого языка (так оно официально именовалось) проходило с 5 по 8 февраля 1928 г. Обсуждались следующие доклады:

- 1) «Современное состояние языка и литературы у арабских и монгольских племен»;
 - 2) «Усовершенствование калмыцкого алфавита»;
 - 3) «Вопросы орфографии»;
 - 4) «Вопросы терминологии»;
 - 5) «Народный и литературный язык калмыков Поволжья».
- С докладом по первому пункту повестки дня выступил Б. Я. Владимирцов.

Уже первое знакомство с полученными материалами из архива института убеждало, что и доклад, и выступления по другим докладам действительно принадлежат Б. Я. Владимирцову. В записях часто обнаруживаются черты характерного для автора стиля изложения, формулировки, обороты речи и т. п. Основные положения доклада напоминают лекции, прочитанные им в аудитории Ленинградского восточного института. То, что говорил Б. Я. Владимирцов об алфавите и орфографии, записано дважды, но различия между обоими вариантами совсем незначительные. Думается, что при редактировании своих записей секретари совещания пользовались какими-то заметками, набросками или даже конспектами Б. Я. Владимирцова.

Доклад «Современное состояние языка и литературы у арабских и монгольских племен»²

«В последнее время, как это отметил в своем вступительном слове наш уважаемый председатель, многие народы под влиянием различных причин, главным образом Октябрьской революции, пробудились к новой жизни. Среди этих народов занимают большое место монгольское племя, монгольские народы, разбросанные на огромном пространстве. Но кто, собственно, монголы?»

Докладчик категорически отвергал установившееся как в русской, так и в калмыцкой среде и среди европейцев представление, что монголами являются только жители Монголии. В действительности же, говорил он, там имеются «разные племена, в той или иной степени отличающиеся друг от друга. А за пределами этой страны можно найти монгольские народы».

«Но отнюдь нельзя говорить,— продолжал докладчик,— что халхасы, например, монголы по преимуществу, а часть племен, которая живет в калмыцкой области, не монголы. Все эти племена, говорящие на различных монгольских наречиях, имеют равные основания считать себя монголами. В каких бы государственных образованиях они ни находились, сознание принадлежности к монголам у этих племен есть».

«Может ли этот монгольский мир в отношении языка и своей литературы приобщиться и приобщился ли к общечеловеческой культуре?» — задал следующий вопрос докладчик. Монгольская империя «по своей культуре стояла если не впереди других народов, то, во всяком случае, занимала одно из первых мест». Позже по сравнению с европейцами «монголы оказались более отсталыми».

Обращаясь к современному состоянию, Борис Яковлевич сказал: «В настоящее время у большинства монгольских племен... есть одно общее: они имеют свою письменность и свой литературный язык». А этот язык, продолжал докладчик, «благодаря долголетнему существованию, благодаря тому, что на нем писалась разнообразная литература, выработался в чрезвычайно тонкий, высокоразвитый язык».

Сославшись на вековые традиции в этой области, докладчик отметил тот важный факт, что «в настоящее время процесс продвижения (письменного языка.— Г. М.) в массы (нужно отметить, что этот процесс начался давно) бурно движется вперед»³.

² Ниже мы излагаем содержание выступлений Б. Я. Владимирцова и публикуем протокольные записи, сохранившиеся в архиве Калмыцкого НИИ ИФЭ.

³ Позже этот процесс пошел в другом направлении. Сначала калмыки, а за ними буряты и халха-монголы отказались от старой письменности. После неудачного эксперимента с латиницей все они перешли на новый алфавит на основе кириллицы. В настоящее время у этих народов существуют собственные национальные литературные языки.

Не обошел вниманием Б. Я. Владимирцов и то положение, что письменный язык «не похож на живые монгольские говоры, отличается от них». Тем не менее «этот язык обладает одной особенностью, которая делает его драгоценной для монголов,— это то, что он является для них общим. То, что пишут буряты, могут прочесть монголы, живущие в других странах, и наоборот».

Далее докладчик познакомил участников совещания с опытом арабских стран. «Арабы, образующие разные государства, говорят на разных диалектах, которые отличаются гораздо больше друг от друга, чем монгольские. И вот у этих арабов существует литературный язык», который является для них объединяющим фактором. Литературным языком они пользуются при чтении лекций в университетах, на собраниях, на театральной сцене и т. д. Литературный язык «благодаря этому быстро делается достоянием широких масс, и из письменного начинает образовываться живой литературный язык».

Развивая свою мысль, Б. Я. Владимирцов коснулся и истории русского языка. «Процесс его развития проходил таким же образом. В XV—XVI вв. в Москве начали не только читать церковнославянские книги, но и пользоваться ими для общественной жизни... на смеси живого языка с литературным, мертво-славянским языком и выработалось то могучее орудие социальной жизни — русский язык, на котором мы говорим».

Возвращаясь к монгольским языкам, докладчик задал вопрос: «Возможно ли, чтобы письменный литературный язык, очень старый, был произносимым?» Ответ был положительным. Здесь, как и в аудитории института, Б. Я. Владимирцов говорил, что тексты монголы читают «применительно к своему наречию. Каждое монгольское племя читает по-своему, сообразно особенностям своего наречия».

Обратил он внимание участников совещания еще на одно обстоятельство. В революционную эпоху «начинает наблюдаться очень интересное явление с монгольским языком: благодаря широкому развитию общественной жизни, благодаря тому, что широкие массы были привлечены не только к участию, но и к строительству жизни, следовательно, к непосредственному участию в ней, оказалось, что письменный монгольский язык стал употребляться необыкновенно часто».

Это обстоятельство способствовало ускорению другого процесса. «Когда монголу хотелось говорить красиво, красочно, он прибегал к некоторым элементам литературного языка... Ораторы не говорят на халхаском наречии, а говорят на монгольском литературном языке».

Создавшееся положение позволило Б. Я. Владимирцову сделать вывод о том, что в МНР «быстро вырабатывается литературный, уже живой монгольский язык на почве монгольского литературного языка, то есть монголы получают общий национальный язык, которого и недоставало». Заклучая эту часть

доклада, он сказал: «Вот теперь на наших глазах воплощается в жизнь то, что монголы будут говорить на своем литературном языке не только на собраниях, заседаниях, митингах, но и в повседневной речи. В этом отношении шаги уже сделаны».

Следующая часть доклада посвящена литературе. «Вместе с оживлением литературного языка начинается оживление письменности, культуры вообще». Монголы прежде располагали средневековой литературой, которая была «значительно разнообразной, но она, конечно, не может удовлетворить человека современного». Тем не менее благодаря этому наследию «переход к новой литературе совершился у монголов безболезненно в какие-нибудь десять лет».

Далее докладчик охарактеризовал деятельность трех литературных издательских центров, из которых главным он признавал Улан-Батор, где «издаются не только журналы и газеты, но и в большом количестве политическая и экономическая литература типа брошюр. Издаются также солидные научные труды, главное, развивается школьная литература — учебники, что особенно важно для монголов».

Отметил докладчик и тот факт, что в Улан-Баторе предпринимаются попытки издания произведений первых монгольских писателей. «Недавно я получил первый монгольский роман, написанный моим другом и учеником — председателем Монгольской революционной партии Дамбадоржем»⁴.

Вторым центром являлся Верхнеудинск (Улан-Удэ). «В последнее время буряты не только пользовались литературой, издающейся в Урге, но и создали свою, быть может, не в таком большом количестве и с меньшим литературным успехом». Но они имеют возможность пользоваться опытом монгольских литераторов.

Третий центр находился в Пекине. «И там под влиянием других факторов появляется литература, которая носит национальный характер в отличие от того, что мы видим в Урге и Верхнеудинске. Там под влиянием китайских и японских идей возникает издательство, которое занялось изданием старых монгольских произведений, интересных с точки зрения национальной истории, а также изданием учебников и классической литературы — китайской и японской».

Заканчивая данную часть доклада, Б. Я. Владимирцов сказал: «Все эти центры, несмотря на то что принадлежат к трем политическим объединениям, общаются между собой. Что напи-

⁴ Дамбадорж — один из активных участников революционных событий 1921 г. и политический деятель 20-х годов. Занимался он и литературным трудом, оказывал покровительство начинающим писателям. Немногие, по всей вероятности, знали, что у Б. Я. Владимирцова установились дружественные отношения с Дамбадоржем. В письмах Владимирцова, адресованных А. В. Бурдукову, просто упоминается это имя, в докладе же он именуется учеником и другом.

сано в Пекине, читается у бурят, что написано у бурят, читается в Монголии»⁵.

Калмыков, естественно, интересовало состояние ойратского языка. Ойратский язык, говорил докладчик, не представляется единым целым, «можно говорить лишь о том, что происходит с ним в той или иной местности».

Об обстоятельствах же, приведших ойратский язык к такому состоянию, было сказано следующее: «В середине XVII в. ойраты стремились к объединению, однако успеха не имели. Но это стремление ойратов является фактом чрезвычайной важности. В то время Зая-пандита создал свой алфавит и общий ойратский письменный язык, сложилась и значительная ойратская литература».

Этот язык был наднародным говором, для всех близким и далеким, был чем-то идеальным для всех ойратов... Тем не менее этот литературный язык начал быстро приспосабливаться к живой ойратской речи».

Старые документы, заметил Борис Яковлевич, показывают, как отступал ойратский письменный язык: «Казалось, стоит сделать один шаг — и появится новый литературный язык, но этого не случилось, потому что ойраты разбрелись по разным местам, потому что они вели войны друг с другом и со своими соседями и потому что не оказалось класса, который твердо мог бы поддержать его».

При подобных обстоятельствах заяпандитовский язык, утратив со временем былую подвижность, «застыл в своих нормах», постепенно начал вымирать. В таком положении он оказался не только на Волге, но и в других местах, населенных ойратами.

«Казалось бы,— продолжал докладчик,— что такой старый и подвижный язык не должен был бы уступать место другому языку, но в том-то и дело, что благодаря своей окаменелости он оказался не в состоянии обслуживать даже те немногочисленные потребности, которые создавала общественная жизнь Монголии».

При этом Борис Яковлевич отметил, что в революционную эпоху у ойратов Западной Монголии заяпандитовский язык исчезает. «Общий монгольский язык вытесняет его».

В заключительной части доклада Б. Я. Владимирцов охарактеризовал состояние заяпандитовского языка у калмыков. И здесь он «быстро оказался в положении мертвого языка, в

⁵ Заметим, что тогда зарождался уже четвертый центр. В 1919 г., в самый разгар гражданской войны, вышел первый номер армейской газеты «Улан хальмак» («Красный калмык») — первенец революционной периодики калмыков. В 1920 г. под названием «Улан хальмг» она стала главной газетой Калмыкии. За нею в 1926 г. последовали газеты «Танһчин зэндг» («Областные известия») и «Красная степь», журналы «Ойратские известия» (1922 г.) и «Калмыцкая степь» (1927 г.). В марте 1928 г. вышел первый номер литературно-художественного журнала «Мана келн» («Наш язык»). Публиковались и произведения начинающих писателей.

положении балласта»⁶. Попытки оживить его так и остались попытками. «Нужно было произвести реформы, нужно было сделать то, что должны были сделать в XVII в. Тогда этот процесс естественно начался, теперь должен быть проделан искусственно... Жизнь показала, что она не принимает того, что разошлось».

Из сказанного вытекает, что нужно идти другим путем. «Приходится, значит, в настоящий момент начать творить новую литературу на новом языке, который будет языком народным».

В заключение Борис Яковлевич пожелал калмыкам, «чтобы эта новая литература у вас так же быстро расцвела, как расцвела она у монголов».

Выступление по докладу об усовершенствовании калмыцкого алфавита

С самого начала калмыки были единодушны в том, что старая ойратско-калмыцкая письменность из-за своей сложности малодоступна народу. Единодушны они были и относительно того, что ориентироваться следует на кириллицу, хотя имелись и сторонники модной в то время латинизации⁷.

Первые шаги в этом направлении были сделаны еще в 1924 г. После некоторых экспериментов был выработан вариант, основанный на кириллице с применением для обозначения специфически калмыцких звуков некоторых знаков латинского алфавита. Этот проект в 1927 г. был принят официально.

Однако Академия наук СССР (разумеется, при участии Б. Я. Владимирцова) признала его неудобным для пользования. Отправляясь в Калмыкию, Борис Яковлевич имел четкое представление обо всех достоинствах и недостатках нового калмыцкого алфавита, имел, конечно, и свои соображения относительно путей его усовершенствования.

Решение такой задачи оказалось делом далеко не из легких. Предстояло рассмотреть шесть проектов усовершенствования алфавита, а в ходе работы совещания были представлены еще шесть.

Некоторые участники совещания считали малопригодными

⁶ С таким явлением Б. Я. Владимирцов встретился еще за несколько лет до совещания 1928 г. 12 сентября 1917 г., возвратившись из поездки в Большедэбрэтский улус Калмыкии, он писал А. В. Бурдукову: «Свою родную письменность они [т. е. калмыки того улуса] совсем забыли» [Бурдуков, 1969, с. 362].

⁷ Представитель ЦК новотюркского алфавита много сил потратил, убеждая в преимуществах латинизации. Однако калмыки отвергли его призыв, выдвинув такие доводы: 1) у них уже накопился значительный опыт работы с кириллицей; 2) они живут с русскими, им необходимо учиться русскому языку и письменности; 3) латинский алфавит не в состоянии помочь преодолеть трудности, с которыми они сталкиваются при усовершенствовании нового алфавита.

для калмыцкого языка буквы кириллицы, обозначающие йотированные гласные. «Что значит правильно писать? — спрашивал Борис Яковлевич.— Когда изображение слова соответствует звуку: один знак и одна буква. Русский алфавит, вообще очень хороший, имеет только недостаток в отношении букв „я“ и „ю“. „Я“ служит для выражения двух знаков — „й“ плюс „а“, значит, противоречит основному принципу предполагаемого алфавита. То же самое нужно сказать и относительно буквы „ю“».

«Если эти буквы,— продолжал он,— принимают совершенно другое значение, то замену не нужно производить, наоборот, это дает некоторые данные к правильному лингвистическому осознанию как своего языка, так и русского». Учитывая складывающееся калмыцко-русское двуязычие, Б. Я. Владимирцов сказал, что применение этих букв «поможет правильно понять русскую азбуку и правильно изучить русский язык».

При обсуждении проблемы обозначения согласного «г» Владимирцов предложил: «В калмыцком языке имеется четыре типа звука „г“, но нужно в данном случае остановиться на том, чтобы изображать его одной буквой по следующим соображениям: так как изменение произношения часто зависит от близлежащих гласных, то можно пользоваться одним знаком».

Наиболее сложным оказался вопрос об обозначении гласных неполного образования. Наличие их одни признавали, другие же отрицали. Этот спор ведется и в настоящее время. «Пользуясь специальным фонографом, в Ленинграде и Гельсингфорсе было запечатлено существование кратких гласных неполного образования, которые являются в конце или середине слова». Для обозначения их Борис Яковлевич рекомендовал использовать перевернутое «е», сославшись при этом на опыт других стран.

В конце своего выступления Б. Я. Владимирцов говорил: «Все эти проекты сравнительно разнятся друг от друга, но последний проект имеет особые основания быть наиболее пригодным и может быть наиболее быстро проведен в жизнь, что чрезвычайно важно».

Проект же этот был разработан на неофициальных заседаниях, работой которых руководил Б. Я. Владимирцов.

Выступление по докладу о терминологии

В самом начале своего выступления Б. Я. Владимирцов отметил, что некоторые ораторы расширили рамки дискуссии и «заговорили о вопросе, который связан с терминологией,— они заговорили о литературном языке». Поскольку оба вопроса между собой связаны, Б. Я. Владимирцов обратился и к проблеме создания литературного языка. Ссылаясь на международный опыт, он заметил, что литературный язык «создавался под непосредственным влиянием действительности и социальных нужд, а также благодаря деятельности гениальных писателей,— значит, создавался бессознательно».

Так создавались литературные языки прежде. «Теперь, если есть социальная нужда в литературном языке, значит, создание его нужно поставить в рамки разума. Учитывая процесс стихийный и пользуясь опытом, можно ввести кое-что такое, что является бесспорным в этой области».

При обсуждении доклада о терминологии высказывались порой явно неприемлемые предложения и пожелания. Один из ораторов предложил создавать литературный язык калмыков на основе языка нового поколения. На это Б. Я. Владимирцов ответил: «Если идти по пути, о котором говорил один из членов совещания, что нужно базироваться на языке нового поколения, то язык можно сделать настолько бедным, что следующее поколение не сможет и не захочет пользоваться им для многогранности жизни».

В одном из выступлений было отмечено, что новая жизнь редко обращается или совсем не обращается к старым словам. Б. Я. Владимирцов показал несостоятельность этого положения. У Гоголя, говорил он, встречается слово «комиссар», которое после революции приобрело совершенно иное значение. Затем следовала ссылка на употребление А. М. Горьким слова «губерния». «Если обратиться к практике того же русского языка, то увидим, что многие писатели, как старые, так и новые, пользовались самыми разнообразными материалами». Это не значит, «что нужно искусственно вызывать к жизни старые слова, но иногда это приходится делать». Так, монголы, например, стали употреблять старое слово «сайд» («вельможа») в значении «министр».

При решении вопросов, связанных с созданием новой терминологии, Владимирцов исходил из того положения, что «новая жизнь требует массу новых слов и выражений... язык не только на письме, но и в живой речи не может обходиться без новых терминов. И мне кажется, что ту же твердую основу можно найти в практике разных языков (практика финского, чувашского и других языков)».

Высказывались на совещании разные точки зрения относительно международных терминов. Б. Я. Владимирцов считал, что нет нужды создавать или искать в языке эквиваленты международным терминам. Такие термины следует, как это делали многие другие народы, заимствовать, подчиняя их законам калмыцкого языка.

Однако «наравне с заимствованными терминами очень хорошо пользоваться и народными словами». При этом он сослался на опыт монголов: «Халхасы говорят слово „коммунизм“ — „эв хамт“. Если принять этот термин, то слово „коммунизм“ скорее проникнет в сознание масс. То же слово „революция“ — „хувьсгал“. Этот путь должен считаться правильным, но как же создавать термины? Конечно, правильный путь — искать их в родном языке».

В отдельных случаях Владимирцов рекомендовал калмыкам

обращаться к монгольскому языку: «Здесь поднимался вопрос о том, как использовать практику некоторых монголов... В данном случае не использовать это богатство — значит иметь капитал и не использовать его. Это не значит, конечно, захватить все слова, но разумно пользоваться ими чрезвычайно важно, потому что они являются наводящим фактором, позволяют изобрести что-либо близкое».

Далее он предупреждал об опасности засорения языка ненужными словами: «Со словами, которые возникли случайно, под влиянием двуязычия калмыцкого общества, может быть, бороться следует, потому что чем больше будет таких слов, тем больше будет слабеть калмыцкий язык».

«Есть слова, которые совершенно случайно попадают в язык,— говорил он,— есть же слова, которые являются определенными техническими терминами, нужными для языка. Поэтому необходимо различать чисто технические термины и просто слова, которые зря заимствованы».

«Вы находитесь в таком положении, что, пользуясь опытом разных народов, вы сможете создать то, что у них делается стихийно. Первое и основное — это то, что вы должны идти по линии обязательного создания литературного языка, который будет национальным говором, близким и доступным всякому калмыку, к какому бы говору он ни принадлежал»,— заключил свое выступление Б. Я. Владимирцов.

Выступление по докладу о народном и литературном языке калмыков Поволжья

Обсуждение доклада о народном и литературном языке вылилось в дискуссию о старой и новой литературе. По мнению некоторых ораторов, докладчик должен был бы дать оценку старой литературе, выделив из общей массы произведений наиболее ценные, а также остановиться на критике произведений новой литературы, на вопросе о различных путях развития старой и новой калмыцкой литературы.

Характерно, что и в отчете о работе совещания подробно говорится о литературе и совсем бегло о литературном языке. Поэтому Б. Я. Владимирцов начал свое выступление заявлением: «Насколько я понял, задачей докладчика было сообщить относительно литературного и разговорного языка, но прения расширили эти рамки, и был разговор о литературе старой и новой. Разрешите вернуться к вопросам чисто языковым и остановиться вкратце на двух-трех моментах».

Как известно из доклада по первому вопросу, Б. Я. Владимирцов считал, что ойратско-калмыцкий письменный язык со временем застыл в своих нормах. При подобных обстоятельствах выход он видел в обращении к народному языку. «Задачей докладчика,— говорил он,— было указать на то явление, кото-

рое уже произошло, а именно: что современная литература пользуется народным языком. Конечно, литература, которая началась и развивалась на этом языке, есть, и говорить об этом — значит повторять то, что говорилось на утреннем заседании».

Литературный язык не существует вне литературы, поэтому Борис Яковлевич не мог не сказать хотя бы коротко о старой литературе. Ему было чуждо существовавшее в то время нигилистическое отношение к литературному наследию. Так, в отчете о совещании сказано: «Развитие современной литературы тор-мозит знакомство с дореволюционной калмыцкой литературой, написанной на заяпандитовском алфавите» [Калмыцкая степь, 1928, с. 113]. «Интересно каждому знать, что может дать старая литература,— говорит Б. Я. Владимирцов.— На этот вопрос двумя-тремя словами ответить трудно, но все-таки нужно сказать, что именно старая литература совсем не похожа на ту, которая развивается теперь».

Еще более определенным является одно из его высказываний по докладу о терминологии. «Нужно,— говорил он,— обратить внимание, что калмыки имели счастье обладать в старину литературным языком».

Литература на заяпандитовской письменности не препятствовала созданию нового литературного языка и новой литературы калмыков. К тому же старая калмыцкая литература была представлена некоторыми крупными произведениями устного народного поэтического творчества, которые были записаны и литературно обработаны образованными людьми той эпохи:

«Я отмечу в старой литературе один момент, который отмечали все ораторы,— это важность народного творчества для литературы. Самими калмыками записаны „Джангар“ и „Сказание о Мазан-батаре“ — это не может послужить образцом как идея, но кто будет работать над этой областью, кто захочет претворить в жизнь живое искусство в устах народа, тому эти материалы будут интересны».

Участники совещания 1928 г. отмечали, что новый литературный язык калмыков находится в зачаточном состоянии. То же самое, полагали они, относится и к новой калмыцкой литературе. Говорили, что новая калмыцкая литература представлена тридцатью произведениями⁸.

Несмотря на это, участники совещания выражали уверенность, что новая литература будет успешно развиваться. Такого же мнения придерживался и Б. Я. Владимирцов. «Раз литература,— говорил он,— могла создаться при неблагоприятных

⁸ Эти данные не соответствуют действительности. В разное время выходили сборник «Песни революции» (1920 г.), альманах «Алая степь» (1922 г.), начальный вариант романа А. М. Амур-Санана «Мудрёшкин сын» (1925 г.), сборник «Начало хорошего» (1927 г.) и уже упоминавшийся журнал «Мана келн». Публиковались произведения С. Каляева, А. Сусеева, Н. Манджиева. Начинали свой творческий путь Х. Сян-Белгин, Б. Басангов и др.

этнологических и исторических условиях, то это дает надежду, что теперь при новых условиях и при вовлечении мощного народного языка литература разовьется еще более».

Заключительное заседание

Подводя итоги, председательствующий отметил, что формально участники совещания заседали всего два дня, а остальное время было занято подготовительными работами, которые проводились под руководством Б. Я. Владимирцова. Вот почему, говорил он, «нам так быстро и сравнительно легко удалось справиться с такой большой и громоздкой работой».

Значит, докладом и выступлениями дело не ограничивалось. На так называемых неофициальных заседаниях Б. Я. Владимирцову приходилось, конечно, разъяснять и убеждать, разубеждать и примирять, чтобы на официальных заседаниях было меньше разногласий. К сожалению, те положения, которые он высказывал на таких заседаниях, не фиксировались, хотя определенный интерес, несомненно, представляли.

В знак признательности за большую проделанную работу от имени Калмыцкого областного исполнительного комитета Б. Я. Владимирцову был вручен национальный калмыцкий халат. Председательствующий сказал: «Нам дорого этим подарком оставить память и выразить нашу признательность»⁹.

Поблагодарив калмыков за радушие и гостеприимство, Борис Яковлевич добавил: «... мне очень интересно, важно и полезно было провести совместно с вами эту работу». Далее он заверил аудиторию, что доложит Академии наук о совещании. «Я уверен, она откликнется как своей работой, так и материальными средствами, именно поможет создать калмыцкий словарь».

Закончил он свою речь такими словами: «Позвольте еще раз поблагодарить вас и выразить надежду, что мне придется еще раз встретиться с вами на почве общей работы, а ничто так не объединяет, как общая работа». Однако такой встречи больше не было, ибо летом 1931 г. Бориса Яковлевича не стало.

Материалы совещания в целом отражают начальный этап борьбы за реформу письменности и создание нового литературного языка во многих наших национальных республиках, становление советского монголоведения, первые шаги молодой калмыцкой науки и те трудности, с которыми сталкивались тогда ее представители.

Научная ценность выступлений Б. Я. Владимирцова не подлежит сомнению. Они позволяют составить представление о научных интересах автора. Характерно, что многие из высказан-

⁹ О добром отношении калмыков к Б. Я. Владимирцову свидетельствует еще один малоизвестный факт: в Архиве АН СССР хранится ходатайство Калмоблисполкома 1928 г. о присвоении Б. Я. Владимирцову почетного звания академика.

ных Борисом Яковлевичем еще в 1928 г. положений являются актуальными и в настоящее время.

Написание обстоятельной биографии Б. Я. Владимирцова — дело будущего, пока в этом направлении сделаны лишь первые шаги, поэтому любые новые сведения, касающиеся жизни и деятельности выдающегося монголоведа, представляют большой интерес. О совещании 1928 г. и об активном участии в его работе Б. Я. Владимирцова знали только некоторые калмыки, теперь эти данные станут общим достоянием.

- Бурдуков, 1969.— *Бурдуков А. В.* В старой и новой Монголии. М., 1969.
- Джимгиров, 1968.— *Джимгиров М. Э.* Писатели советской Калмыкии. Элиста, 1968.
- История калмыцкой литературы, 1980.— История калмыцкой литературы. Т. 2. Элиста, 1980.
- Калмыцкая степь, 1928.— *Б. Ф.* Современное состояние языка и литературы у арабских и монгольских народов.— Калмыцкая степь (журн.). 1928, № 3 (6).
- Очерки истории КАССР, 1970.— Очерки истории Калмыцкой АССР: Эпоха социализма. М., 1970.
- Таңһини зэнг.— Б. Я. Владимирцовын келсн үг.— Таңһини зэнг (газ.). 13.02.1928.